

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ

Продавец воздуха

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б44

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Беляев, Александр Романович.

Б44 Продавец воздуха / Александр Беляев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-196746-8

Александр Романович Беляев (1884–1942) — классик отечественной научной фантастики, сочетавший авантурный сюжет с предвосхищением научных открытий.

Роман «Продавец воздуха» повествует о противостоянии метеоролога Клименко и стремящегося к обогащению коммерсанта Бэйли, научившегося сжигать воздух из атмосферы. Так воздух становится товаром, а на Земле изменяется климат и людям остро не хватает воздуха.

В состав книги также вошла повесть «Последний человек из Атлантиды», которая открывает тайну таинственного континента Атлантиды, исчезнувшего в недрах мирового океана, чьи жители обладали знаниями и технологиями, далеко превосходящими современные.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

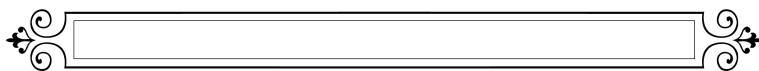
ISBN 978-5-04-196746-8

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Продавец воздуха

роман

ГЛАВА I

ОКАЯННЫЙ КРАЙ

«Окаянный край!» — так писатель В.Г. Короленко назвал Туруханский край. Но название это вполне приложимо и к Якутии. Печальная тощая растительность: в местах, защищенных от ветра, — хилые кедры, тополь да корявые березки; дальше к северу — как будто скрюченный болезнью кустарник, ползучая береза, стелющаяся по земле ольха, вереск; еще дальше — болота и мхи. Когда глядишь на эти хилые, пришибленные деревья и кустарники, бессильно лгнувшие к земле, кажется, будто несчастные растения хотят уйти в глубину, скрыться от леденящих ветров, не видеть этого «окаянного края», куда закинула их злая судьба. И если бы их воля, они вытащили бы из мерзлой земли свои корявые корни и поползли бы туда, на юг, где благодетельное солнце, тепло и ласковый ветер... Но деревья принуждены умирать там, где они родились; все, что они могут сделать, — это пригнуться ниже под ударами ветра судьбы и ждать своей участи.

Не таков человек: он сам выбирает свой путь и свою участь, оставляет солнце, тепло и уют и идет, влекомый стремлением к борьбе, в неведомые, негостеприимные страны, чтобы победить природу или сложить свои кости рядом с хилой, корявой березой на холодной земле...

Эти несколько мрачные мысли невольно приходили мне в голову, когда я пробирался со своим проводником и помощником, якутом Николой, вдоль берега реки Яны. База нашей экспедиции находилась в «столице» Якутии Верхоянске — маленьком городке с населением, которое могло бы вместиться в одном московском доме средней величины.

По внешности Верхоянск остался тем же, чем он был много лет назад: несколько десятков деревянных домов, большею частью без кровель, и столько же юрт, разбросанных без всякого порядка по обоим берегам Яны, в низменной болотистой местности, усеянной большими озерами. Почти перед каждым домом имеется «собственное» озеро, но вода в нем мутная, пить ее нельзя, и жители принуждены запасаться льдом на круглый год. Только вывески советских правительственных учреждений, магазинов Якторга и кооператива напоминают при первом ознакомлении с городом о современности.

Все мои сложные и дорогие инструменты: барографы Ришара, микробарографы, анемометры и барометры¹ — я оставил в Верхоянске. Со мною были только небольшой барометр, термометр и довольно

¹ Барограф — самопишущий барометр, прибор, записывающий последовательные изменения в давлении атмосферы. Анемометр (ветромер) — прибор для измерения скорости и направления ветра.

примитивный флюгер, доставляющий немалое удовольствие Николе. Для него это была такая же занятая игрушка, как детская ветряная мельница.

Наша экспедиция, во главе которой я стоял, была организована для изучения метеорологических условий полюса холода, находящегося в окрестностях Верхоянска, главным же образом для выяснения причин изменения в направлениях ветров.

Дело в том, что с некоторого времени метеорологами было установлено странное явление: пассаты и муссоны¹ начали изменять свое обычное направление. В экваториальной зоне ветры, дующие обычно от востока и к экватору, начали отклоняться на север, и чем далее к северу, тем это отклонение замечалось сильнее. Синоптические карты² обнаружили, что в области Верхоянска образовался какой-то центр, куда и направляются ветры, как лучи, собираемые в огромный фокус. Это повлекло за собою (правда, еще малозаметное) изменение средней температуры: на экваторе она несколько понизилась, на севере повысилась. Такое явление вполне понятно, если иметь в виду, что холодные ветры с Южного полюса начали направляться к экватору, а экваториальные теплые — на север. Замечались и другие странные явления, пока обнаруженные лишь точными физическими инструментами да некоторыми инженерами, наблюдавшими за работой пневматических машин. Эти наблюдения говорили о том, что

¹ Пассаты и муссоны — ветры постоянного направления.

² Синоптические карты — карты, на которых отмечается (несколько раз в сутки) состояние погоды в различных местностях в определенное время.

атмосферное давление несколько понижено. О том же говорили и наблюдения над ослаблением силы звука, в особенности на высотах (летчики жаловались на перебои мотора уже на высоте двух тысяч метров).

Люди и животные, по-видимому, еще ничего опасного и вредного в этих метеорологических изменениях не чувствовали и не замечали, но ученые, бодравившиеся за своими инструментами, были обеспокоены и, еще не волнуя общественного мнения, изыскивали меры к выяснению причин всех этих странных явлений. На мою долю выпала честь принять участие в этой работе.

И пока в Верхоянске заведующий хозяйственной частью экспедиции заканчивал последние приготовления и покупал лошадей и собак, я решил отправиться налегке, чтобы точнее определить направление нашего пути. В этих широтах ветер дул с запада на восток сильно и равномерно, так что даже с моими несложными инструментами можно было довольно точно ориентироваться. Наш путь лежал к отрогу Верхоянского хребта.

Мой спутник и проводник Никола был типичным якутом: у него были длинные тонкие руки, маленькие кривые ноги, медлительные и тяжеловатые движения. Его идеалом было ничего не делать, много есть и жиреть. Но, несмотря на этот «идеал», он был отличный, исполнительный работник и неутомимый ходок. Природа наградила его большой жизнерадостностью: без нее Никола едва ли выжил бы в «окаянном краю». Впрочем, для него этот край совсем не был окаянным: Якутия была самым лучшим местом на земном шаре, и Никола не промем-

нял бы свои мхи и корявые березы на роскошные пальмы юга.

Он или курил деревянную трубочку, или мурлыкал песни о солнце, не заходящем на небе, о реке, о камне, о пролетевшей птице, о всем, что видит. А его черные глаза с немного скошенными веками видели многое, ускользавшее от моего внимания, несмотря на то что Никола, как я убедился, не различал некоторых цветов: слишком бедны были краски его родины, и он видел мир почти таким же серым, как мы его видим в кино.

— Сильно хорошо лето, — говорил он, сплевывая желтую от табака слюну. — Сильно тепло.

Он был прав: для Якутии стояло необычайно теплое лето. Даже ночью (при незаходящем солнце) температура не опускалась ниже нуля, а днем поднималась до 30 °С, иногда и выше.

Мы переправились через реку и начали взбираться на горный склон, поросший тальником, лиственницей и кустарниковой березой. Несмотря на очень теплую погоду, нам время от времени случалось переходить наледи, или «тарыны», — целые островки еще не растаявшего льда. Огромные трещины — работа лютого холода — покрывали землю густой сетью, похожей на сеть морщин, украшавших лицо Николы.

Стояла «красная ночь»: багровое солнце медленно катилось на севере, окрашивая в красный цвет вершины холмов, покрытые снегом.

Мы благополучно перебрались через горный ручей, и я уже начал осматриваться кругом, выбирая стоянку для ночлега, как вдруг Никола остановился, вынул трубку, сплюнул и спокойно сказал:

- Крисит.
- Кто кричит?
- Селовек крисит.

Я прислушался. Ни единого звука не долетало до меня.

— Я не слышу, — сказал я.

— Далесе крисит! — И Никола махнул рукой в сторону. — Беда с ним, однако.

— Если беда, так пойдем на помощь. Может быть, на охотника напал зверь...

— Как хочес. Пойдем. Не надо ходить на зверя, когда стрелить не умеешь. Стрелить не умеешь — ворона обидит, — нравоучительно говорил Никола, быстро взбираясь на гору.

Я едва поспевал за ним.

Мы прошли не менее километра, когда, наконец, и я услышал заглушенный крик человека. Острота слуха Николы была изумительна! Крик прекратился, и вдруг я услышал два глухих выстрела.

— Сильно дурак. Снасяла крисит, а потом стрелит. Надо снасяла стрелить, — продолжал ворчать Никола.

Мы взобрались на вершину и увидели заболоченную горную поляну. В каменистый берег упиралась топь, поросшая мхом. В нескольких метрах от берега я увидел человеческую фигуру, наполовину засосанную тиной.

Человек также, по-видимому, увидел нас и начал размахивать руками. Прыгая с камня на камень, мы поспешили ему на помощь. Я протянул утопавшему конец ружейного ствола, человек уцепился за ствол правой рукой — в левой он держал какой-то предмет,

который казался мне похожим на вымазанный в грязи цилиндрический бидон для керосина.

— Бросай кусын! — крикнул Никола человеку. Но утопавший, по-видимому, ни за что не хотел расстаться с бидоном. Он кряхтел, раскачивался, напрягал правую руку, но продолжал держать в левой свой сосуд.

— Бросай на берег! — крикнул я.

Этого совета человек послушался. Он размахнулся, бросил бидон на берег, ухватился обеими руками за ствол ружья и начал вылезать из тины.

Не без труда удалось нам извлечь на берег неизвестного человека. Вид его поразил меня. Его довольно полное бритое лицо было совершенно европейского типа. На нем был измазанный грязью, но хороший костюм альпийского туриста, на голове — серое кепи.

Выйдя на берег, он прежде всего схватил бидон, которым, по-видимому, очень дорожил, потом протянул мне руку и сказал на ломаном русском языке:

— Очень благодарю вас. В этих местах я не надеялся на помощь. Ви услышали мой выстрелы?

— Да, выстрелы, и вот он, Никола, еще раньше услышал ваш крик.

Неизвестный одобрительно кивнул головой в сторону Николы.

— Револьвер пропал, но это пустяк, — продолжал неизвестный. — Хорош якут. Ви удивлены? Я чшлен экспедиции изучений Арктики Английски королевски географически общества. Ви тоже наушный работник?

— Да, я от Академии наук СССР... Не хотите ли посушить вашу одежду? — спросил я, продолжая внимательно осматривать его.

То, что я принял за бидон, оказалось чем-то иным, но я не знал, что это такое. Цилиндр, отсвечивавший сквозь грязь ртутью, заканчивался вверху узким горлышком и, судя по натяжению руки, державшей его, был довольно тяжелым.

— Осушиться? Нет, благодарю вас. Мне не надо. Благодарю вас.

Кивнув головой, он неожиданно повернулся и начал быстро подниматься вверх по склону.

Я с недоумением смотрел ему вслед. Человек, только что спасенный от смерти, мог бы проявить больше внимания к нам. И откуда он появился здесь? Мне не приходилось слышать об экспедиции, отправленной сюда из Англии. И этот странный бидон...

— Сильно дурак. Ливольвел бросил, кусын спасал, — высказал Никола свое мнение о неизвестном.

Потом он задумался, неодобрительно мотнул головой и начал собирать сучья для костра. Мы сами вымокли, спасая англичанина.

— Эй! Эй! — вдруг услышал я голос неизвестного. Он стоял на большом поросшем мхом камне и махал рукою. — Услуга за услугу! — крикнул англичанин. — Не ходите туда, — он протянул руку по направлению ветра, — там смерть! — И, кивнув головой, он спрыгнул с камня и скрылся.

«Что за странное предупреждение! — думал я. — Не ходить в ту сторону, куда дует ветер?» Но именно туда мне и нужно было идти. Я должен был исследовать тот «фокус» — куда направлялись ветры со всех сторон земного шара.

ГЛАВА 2

«МЕРТВЫЙ КАЮК»

Как только мы остановились, туча комаров облепила нас. Но, очевидно, это был пустяк по сравнению с тем, что здесь обычно бывает летом.

— Однако сильно мало комаров, — сказал Никола. — Ветром сдувает.

— Куда уж больше! — проворчал я.

— Надо сильно больше. Солнце не видно, гор не видно. Вот сколько комара надо, — ответил Никола, разжигая костер и устанавливая походный чайник на треножнике из сучьев.

Пока вода вскипела, Никола раскурил трубку, растянулся на земле и погрузился в думы. Против обыкновения, он не пел и не говорил. Молчание продолжалось довольно долго. Потом Никола, выпустив густую струю дыма, сказал:

— Однако плохо. Сильно плохо. — Никола, видимо, был чем-то озабочен.

— Что плохо, Никола? — спросил я его.

— Этот человек... Сильно нехорошо. Пусть бы он тонул. Три раза лето и три раза зима — я видел такой человек.

— Ты знаешь его? — с удивлением спросил я Николу.

— Не его. Похож на него. Там!.. — и Никола показал рукой на север.

— Не говори загадками, Никола, — нетерпеливо сказал я. — В чем дело?

И Никола рассказал мне на своем бедном сло-
вами, но богатом образами и меткими выражениями
языке удивительную историю.

Это было три года назад. Никола со своим отцом
и братом рыбачили в Селлахской губе¹. Был конец
лета. Ветер дул еще с берега, но ледяные глыбы, все
в большем количестве появившиеся в Северном
Полярном море, говорили о близком наступлении
зимы. Никола советовал вернуться скорее домой, но
лов был хороший, и отец Николы, старый опытный
рыбак, не торопился. Он уверял, что вместе с моро-
зами подует северный ветер, который быстро при-
несет их к берегу.

Однако умиравшее лето не хотело уступить зиме без
боя. Южный ветер все усиливался и перешел в шторм.
Рыбаков относил к острову Макара. Небольшой па-
рус сорвало, рулевое весло сломалось о ледяную глыбу.
Седые волны трепали маленький каюк, как щепку. Но
привыкшие к опасностям своего промысла, рыбаки
не теряли присутствия духа. Льдины им давали прес-
ную воду, а рыбы было в изобилии. Им приходилось
страдать только от холода, но даром они выросли
в самом холодном месте земного шара. Их организм
стойко сопротивлялся. Полузамерзшие, оледенелые,
они подбадривали друг друга шутками.

На третий день их странствования случилось не-
счастье: их каюк попал между ледяными глыбами,

¹ Селлахская губа — залив Северного Полярного
моря восточнее устья Яны (Якутия). Название губа полу-
чила от речки Селлах, одной из многих тундровых речек,
впадающих в губу. На реке Селлах и в заливе богатые рыб-
ные промыслы.

которые смяли его, как яичную скорлупу. Рыбаки едва успели выбраться на льдину и продолжали на ней путешествие.

Предсказание отца Николы, хоть и с опозданием, исполнилось: береговой ветер утих, и скоро потянуло ровным ледяным дыханием с севера. Льдина направилась к берегу, но до него было далеко. А голод начал не на шутку беспокоить потерпевших крушение. Рыба погибла вместе с каюком. Ловить руками было не так-то легко. Рыбаки начали слабеть от голода. Море, взбаламученное переменой ветра, кипело. Ледяные брызги окатывали путников с ног до головы. Иногда волны перекатывались через них.

— Сильно плохо было, помирать надо, — пояснил мне Никола.

Однажды ночью — хотя солнце в это время уже заходило за горизонт, но ночи были очень светлые — рыбаки увидели «сильно большой каюк», который шел прямо на них, сверкая огнями.

Это был пароход, но такой огромный, какого Никола никогда не видал в своей жизни. Рыбаки закричали и замахали руками. Пароход приближался, но людей на нем не было видно. Однако, судя по тому, что он направлялся прямо к льдине, рыбаки решили, что их заметили на пароходе. «Почему только он не кричит?» — думал Никола. Чем ближе подходил пароход, тем он казался больше. «Мне надо было смотреть вот так», — объяснил Никола, поднимая лицо к небу.

Радость рыбаков скоро сменилась ужасом. Нос огромного парохода уже был в нескольких метрах от них, а на палубе его не было видно ни одного человека... Еще минута, и киль парохода врезался в льдину

и разбил ее пополам. Раздался страшный треск, ледяная вода залила Николу, — он почувствовал, что льдина ушла из-под его ног. Когда Никола вынырнул, отца и брата не было. Они оказались на той половине льдины, которая пошла мимо левого борта, а Никола оказался справа от парохода... С тех пор Никола никогда больше не видал ни отца, ни брата и не знает, что с ними.

Никола барахтался в воде, а железная стена парового корпуса проплывала мимо него. Сомнений не было: команда парохода не заметила их... Никола был обречен на гибель, если сам не позаботится о себе. Давлением воды Николу относило от парохода, но он был хороший пловец и, делая невероятные усилия, держался вблизи. Мимо Николы проплывали освещенные иллюминаторы. Никола кричал, но никто не показывался в иллюминаторе.

Вдруг Никола увидел конец троса, спущенного с палубы. Рискую вырвать руки из плеч, Никола бросился к нему, но волной Николу отнесло в сторону, и он проплыл мимо троса, когда тот находился всего на расстоянии полуметра от руки. Никола приходил в отчаяние. Но ему не суждено было умереть. Скоро он увидел болтающийся над самой водой трап, спущенный с палубы. Вскочив на обломок льдины, Никола подпрыгнул, протянув руки к трапу. Льдина перевернулась под ним, но Никола уже держался за трап. Он был спасен. Быстро поднялся Никола по трапу и вошел на палубу корабля, ожидая встретить удивленные лица матросов.

Но удивляться пришлось не матросам, а самому Николе: палуба была пуста. Ни одного человека!

Мертвый корабль! Только снизу глухо доносился гул мощной машины...

Никола никогда не слышал легенды о «Летучем Голландце», но бедного якута обуял такой ужас, как если бы он попал на этот легендарный корабль.

Ужас был так велик, что в первую минуту Никола подумал, не прыгнуть ли за борт. Но, посмотрев на бушующий океан, он одумался.

«Может быть, люди боятся холода и находятся в каютах», — решил он и начал осмотр парохода, пробираясь по трапам и коридорам осторожно, как вор. Каюты были пусты, не исключая капитанской; рубка, кубрик и камбуз также.

Никола переходил от ужаса к недоумению. Если все здесь умерли, то должны были остаться хоть трупы тех, кто пережил других. Если все бежали с корабля, то он не может идти. А если он идет, то машинист, кочегары и рулевой должны быть на месте.

Никола сошел в котельную, но и там никого не было. В машинном отделении также никого. Как будто пароход шел, управляемый невидимой рукой мертвеца. Никола почувствовал, что у него поднимаются от ужаса волосы. Не помня себя от страха, он взошел на палубу и пробрался к штурвалу. Никого! Гонимый ужасом, Никола побежал на нос корабля. И здесь он впервые увидел человека, стоявшего на самом носу с опущенной головой.

— Эй! Это я!.. Кто ты?.. — крикнул Никола хриплым голосом.

Человек стоял неподвижно. Это было страшно, как все на пароходе, но Никола чувствовал такую потребность видеть возле себя хоть одно живое су-

щество, что, пересилив страх, подошел к человеку, стоявшему на носу, и заглянул ему в лицо. Это был мертвец! Никола только теперь увидел, что мертвец был привязан тонким линем к фальшборту...

По описанию Николы, этот мертвец был очень похож на англичанина, которого мы вытащили из болота: такой же бритый и так же одетый. Теперь мне было понятно мрачное настроение Николы: встреча с нашим англичанином напомнила Николе о самом трагическом происшествии в его жизни.

— Ну и что же было дальше, когда ты увидел мертвеца?

— Я завыл, как волк, — ответил Никола.

И он продолжал свой рассказ. Страшней «мертвого парохода» Никола не встречал ничего во всю свою жизнь. Но на пароходе было по крайней мере тепло и сухо. Голод превозмог ужас, и Никола отправился на поиски съестного. Он нашел несколько бочек пресной воды, но с провиантом дело обстояло хуже. Николе удалось разыскать только мешок сухарей, завалившийся за пустые ящики. Однако для невысокательного якута и это было хорошей находкой.

«Мертвецы, значит, пьют воду, но мало едят», — решил Никола и не без страха засунул первый сухарь в рот. Он боялся, что из-за его спины вдруг протянется мертвая рука и мертвец крикнет: «Отдай мои сухари!»

Но мертвецы оказались покладистым народом и не помешали Николе съесть сразу десяток сухарей и запить их двумя ковшами воды.

Когда Никола поел и обсушился, то почувствовал себя совсем неплохо. Он выбрал себе удобную